

Е.Ю. Муратова

Терминологические проблемы в теории интертекстуальности

Значимость интертекстуального подхода в общей теории исследования текста в последнее время значительно возросла и определяется она, в первую очередь, задачами объективной и адекватной интерпретации текста. Исследованием заимствований и влияний занимались многие филологи первой половины XX века. В эпоху символизма акцент делался на регистрацию заимствований, на поиск аргументов, доказывающих наличие взаимосвязи и взаимообусловленности сопоставляемых произведений. Характерна в этом отношении статья М.О. Гершензона «Плагиаты Пушкина» [1]. Позднее, в постсимволистское время, стали анализироваться различные виды взаимосвязи между разными художественными текстами, что нашло отражение, например, в работах В.М. Жирмунского по сопоставлению поэм Байрона и Пушкина; в работах Б.М. Эйхенбаума по исследованию творчества М.Ю. Лермонтова.

Основными источниками интертекстуальности можно назвать исследование Ф. де Соссюра (теория анаграмм), идеи М.М. Бахтина о законе жанровой памяти, диалогическом характере художественных произведений и роли «чужого слова», идеи Ю.Н. Тынянова о «конструктивной функции» и положения Ю.М. Лотмана о «полилогическом» характере поэтического текста.

По мнению М.М. Бахтина [2], автор всегда находится в диалоге с современной и предшествующей литературой, текст отражает в себе все иные тексты данной смысловой формы, т.е. автор художественного произведения имеет дело не с действительностью вообще, но уже с оцененной и оформленной действительностью. Отдельное слово – это «аббревиатура высказывания, ... каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» [3].

Эту мысль развил Ю.М. Лотман: «Монолог, к которому тяготеет поэзия, оказывается полилогом; единство поэтического текста складывается из полифонии различных голосов, говорящих на разных “языках” культуры» [4]. Позже Лотман писал, что текст подобен зерну, содержащему в себе программу будущего развития, он обладает внутренней не-до-конца-определенностью, которая под влиянием контактов с другими текстами создает смысловой потенциал для его интерпретации [5]. Понятия, которыми пользовался Ю.М. Лотман – семиосфера, семиотическое пространство, культурная память – непосредственно связаны с проблемой интертекстуальности.

В последние десятилетия XX века проблема интертекста и интертекстуальности нашла отражение в исследованиях Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, С.Т. Золяна, И.П. Ильина, Н.А. Кузьминой, В.А. Лукина, Ю.И. Левина, И.П. Смирнова, Р. Тименчика, В.Н. Топорова, Н.А. Фатеевой, М.Б. Ямпольско-

го, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Риффатерра, Г. Блума, А. Вежбицкой, К. Леви-Стросса, Ц. Тодорова и др.

Существует широкое и узкое понимание интертекстуальности. В широком смысле интертекстуальность понимается как универсальное свойство текста вообще, т.е. всякий текст рассматривается как интертекст, а интертекстуальность предстает как теория безграничного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. В узком смысле интертекстуальность понимается не как универсальное свойство любого текста, но как особое качество лишь определенных текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Подразумевается, с одной стороны, что автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты других текстов, с другой, что и адресат верно понимает авторские интенции и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности, намеренно предложенной автором.

Теория интертекстуальности получила свое развитие лишь в последние десятилетия, поэтому терминологические проблемы, на наш взгляд, являются объективным следствием «молодости» этого научного направления. На современном этапе наблюдается неоднозначное толкование терминов интертекст и интертекстуальность, разное семантическое «наполнение» получают собственно интертекстуальные знаки (цитата, реминисценция, аллюзия), нет единообразия в наименованиях как инотекстовых включений (претекст, предтекст, протекст, прототекст, первичный текст, текст-донор), так и итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент).

Цель данной статьи – представить упорядоченный обзор существующей терминологии в теории интертекстуальности, выявить наиболее единообразные и частотные по своему употреблению термины и возможные тенденции их дальнейшего использования.

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» были введены в современный научный обиход в конце 60-х годов XX века в работах теоретика постмодернизма французской исследовательницы Юлии Кристевой, которая сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работы М. Бахтина 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Даже название статьи Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» [6] связано именно с русской лингвистической традицией. Но бахтинскую идею «диалога» Ю. Кристева ограничила исключительно сферой литературы, диалогом между текстами: «Мы назовем *интертекстуальностью* эту текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее». По Кристевой, любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности. Ю. Кристева подчеркивает бессознательный характер заимствований, говоря о «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной воли автора [7].

Ролан Барт следующим образом определяет интертекст и интертекстуальность: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом

и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [8]. Для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера»: все уже было когда-то сказано, а новое возникает как смешение определенных элементов в новые комбинации.

Некоторыми учеными намеренно разводятся понятия «интертекстуальность» и «автоинтертекстуальность», тем самым уже терминологически проводится различие между «чужими» и «авторскими» заимствованиями. Так, Н.А. Фатеева определяет отношения, которые возникают между текстами одного автора, автоинтертекстуальными, утверждая, что автоинтертекстуальность в этом случае выступает как интертекстуальность в квадрате, поскольку совпадение ситуативных, концептуальных, композиционных и операциональных метатропов в разных текстах одного автора будет максимальным. Характер отношений между исходным(и) и новым текстом одного и того же автора может быть двояким: «Обычно среди разных в дискурсивном отношении текстов находится один, который выступает в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста) – **автоинтертекста** – по отношению к остальным, или же эти тексты составляют тексто-метатекстовую цепочку, взаимно интегрируя смысл друг друга и эксплицируя поверхностные семантические преобразования каждого из них... Становится очевидным, что за такими текстами стоит некоторый инвариантный код смыслопорождения... Имея «до-над-жанровую» природу (И. Бродский), этот генетический код иносказания детерминирует организацию различных типов семантической информации в текстах» [9].

Определения интертекста заметно варьируются у разных ученых: интертекст – это «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [10]; «интертекст (или, в более привычном в русистике термине, «подтекст») оказывается существенным компонентом семантической структуры текста, который оказывается средством установления межтекстовой и, стало быть, и межмировой референции» [11]; интертекст – это «совокупность всех возможных подтекстов и данного текста» [12]. Хотя, как думается, на современном этапе развития теории интертекстуальности термины «подтекст» и «интертекст» не могут быть взаимозаменяемы в силу неоднозначности термина «подтекст» и широкой традиции его использования с иными семантическими акцентами в литературоведении. Но несмотря на разнообразие семантических нюансов в определении интертекста во всех его дефинициях присутствует инвариантный признак: под интертекстом понимается особое семантическое пространство, образующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами.

Понимание интертекстуальности может быть различным не только с точки зрения порождения текста, но и с точки зрения его восприятия. Помимо собственно межтекстовых взаимодействий, в теории интертекстуальности важнейшее значение имеет проблема автор – читатель. Первым на роль читателя в создании текста указал М.М. Бахтин. Не только автор создает интертекстуальное пространство путем включения в свой текст иных текстов, но и читатель определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Поскольку взаимодействие между текстами образует

каждый раз уникальную систему, обладающую общей памятью, постольку адекватность восприятия порождаемых автором текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателем. Общую память можно иначе назвать межтекстовой компетентностью, которая «основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений, модели разных тропов...» [13] и т.д., хотя текст автора и текст читателя полностью не совпадают, так как каждая языковая личность имеет свой набор ассоциаций. Эти две стороны интертекстуальности: читатель (исследователь)/автор реализуют интертекстуальность текста, естественно, по-разному. С точки зрения читателя интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления связей с другими текстами. Для читателя всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая инотекстовое включение как органичный элемент данного текста, либо ему необходимо обратиться к тексту-источнику, «осуществив своего рода «интеллектуальный анамнез», благодаря которому маркированный элемент в парадигматической системе текста-реципиента выступает как «смещенный и отсылающий к синтагматике исходного текста» [9, с. 16–17]. Таким образом, интертекстуальность получает конкретное воплощение в разных видах и формах как межтекстового взаимодействия, так и в диалоге между автором и читателем.

С проблемой неоднозначного понимания термина «интертекстуальность» тесно связана проблема идентификации собственно интертекстуальных знаков. Так, термин «цитация» имеет неоднозначное толкование. Традиционное классическое понимание цитации входит в определенное противоречие с использованием этого термина в теории интертекстуальности. Классическое употребление этого термина можно считать узким пониманием цитации. В теории интертекстуальности термин «цитация» используется в широком смысле как общее именование отсылок к иным текстам и является родовым для обозначения всех видов интертекстуальных знаков, вследствие чего интертекст понимается не как собрание цитат, но как пространство соединения всевозможных цитаций.

Кроме того, серьезной терминологической проблемой в теории интертекстуальности, как уже говорилось выше, является, во-первых, именование инотекстовых включений (претекст, предтекст, протекст, прототекст, первичный текст, текст-донор) и итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент); во-вторых, нет единства в наименованиях и семантической адекватности инотекстовых включений, т.е. собственно интертекстуальных знаков: цитата, аллюзия, реминисценция, реминисцентные явления, текстовые реминисценции, аллюзияция и др.

Первый вопрос представляется наименее острым, поскольку в каждом наименовании текста, например, текст-донор или первичный текст, явно проявляется его внутренняя структура, которая однозначно соотносит данное слово с соответствующей референциальной областью.

Значительно серьезнее представляется проблема именовании интертекстуальных знаков. Традиционно цитата представляет собой дословную поддержку из какого-либо текста. В рамках теории интертекстуальности цитата имеет более широкое и многозначное толкование. Н.А. Фатева называет цитатой воспроизведение двух и более компонентов текста-донора с собственной предикацией. «Собственная предикация» означает, что семантика цитаты существенно изменяется под влиянием текста-реципиента, куда она

включена. По мнению В.А. Лукина, в системе Пирсовых координат «икона – индекс – символ» цитата занимает промежуточное положение между индексом и символом. Причем, если символическая составляющая цитаты целиком доминирует над индексальной, то цитата является текстовым знаком; при обратном соотношении символичности и индексальности она является прежде всего средством связности между текстом-донором и текстореципиентом [14]. М.Б. Ямпольский считает, что цитата – это текстовый знак, у которого на основе нарушения семантической связности между его значением как символа и контекстом текста-реципиента активизируется индексальная составляющая, т.е. развивается вторичная индексальность [15]. Таким образом, в рамках теории интертекстуальности приходится констатировать неопределенность и многозначность понятия цитаты, но в самом общем критериальном плане цитата в художественном тексте опознается в качестве инотекстового элемента чаще всего за счет явной чужеродности, либо явной прецедентности, либо того и другого одновременно.

При таком интертекстуальном понимании цитаты как будто отпадает необходимость в термине «реминисценция». С одной стороны, реминисценция функционально совпадает с цитатой, с другой – в силу своей имплицитности – с аллюзией. Поэтому нам представляется совершенно правомерным исключение некоторыми учеными реминисценции из классификации интертекстуальных знаков, но с использованием ее в специфическом для интертекста значении (например, реминисценция как отсылка не к тексту, а к событию из жизни другого автора).

Несколько иные семантические оттенки приобретает и термин «аллюзия». Традиционное толкование аллюзии дают словари, например: аллюзия – намек на реальный (исторический, литературный и под.) факт, который предполагается общеизвестным [16]. В теории интертекстуальности аллюзия представляет собой заимствование (с последующей предикацией) отдельных элементов текста-донора, по которым происходит его узнавание в текстореципиенте. От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, высказывание из предтекста, соотносимое с новым текстом, присутствует в последнем как бы «за текстом», т.е. имплицитно.

Таким образом, проблема терминологии в теории интертекстуальности, в частности, проблема интертекстуальных знаков и вытекающая из нее проблема «границ» текста в тексте остается открытой, хотя, благодаря исследованиям последних лет, постепенно приобретает единообразный и упорядоченный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гершензон М.О.* Плагиаты Пушкина / Статьи о Пушкине. – М., 1926. – С. 114–119.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 106.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 106.
4. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л., 1972. – С. 113.
5. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 22.
6. *Кристеева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 427–457.
7. *Кристеева Ю.* Семиотика. – Париж, 1969. – С. 429.
8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 418.
9. *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М., 2000. – С. 91–92.
10. *Тростников М.* Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика: Антология. – М.; Екатеринбург, 2001. – С. 564.

11. **Золян С.Т.** О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной семантики. 1985–1987. – М., 1989. – С. 152.
12. **Паулов М.С.** Принцип «семантического эха» в третьей воронежской тетради О.Э. Мандельштама: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1994. – С. 5.
13. **Арнольд И.В.** Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвуз. сборник научных трудов. – СПб., 1993. – С. 9.
14. **Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М., 2005. – С. 113–114.
15. **Ямпольский М.** Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М., 1993. – С. 61.
16. **Литературный энциклопедический словарь** / Под общ. ред. **В.М. Кожевникова, Г.А. Николаева.** – М., 1987. – 752 с.

S U M M A R Y

The article deals with the terminological problems in the theory of intertextuality. In the work the main sources of modern intertextuality theory are pointed out; the broad and narrow understanding of the given term in linguistics is highlighted; various definitions of intertext are analyzed; views on intertextuality from the point of view both of text creation and perception are presented. The article gives the categorized survey of the existing terms; among them the most unified and frequent are distinguished; possible tendencies of their usage are viewed.

Поступила в редакцию 23.03.2006